

СОЦИОЛОГИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Ю. А. Зеликова

ДИНАМИКА СЕКСУАЛЬНОЙ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

Уровень гендерного равенства и ценности сексуальной либерализации являются важными показателями того, насколько общество поддерживает принципы демократии, равенства и толерантности. Но возникает вопрос, как граждане, которые выросли в условиях авторитарного режима, в обществе, где сексуальные свободы долгое время не поощрялись и даже были запрещены законом, учатся быть толерантными к проявлению сексуальной свободы и формируют ценности сексуальной либерализации?

Есть два вида теорий, которые пытаются ответить на этот вопрос. Культурные теории подчеркивают важность ранней социализации, в ходе которой ребенок усваивает определенные ценности. В результате ценности меняются медленно, как правило, со сменой поколений. Институциональные теории, наоборот, утверждают, что взрослый опыт, обстоятельства взрослой жизни, рациональное оценивание существующих в обществе ценностей позволяют человеку менять ценности в течении жизни.

Исследователи, которые придерживаются культурных теорий, считают, что России нужны десятилетия для того, чтобы в обществе сформировались ценности сексуальной либерализации. Сторонники институциональной теории утверждают, что Россия может быстро адаптировать социальные нормы, которые характерны для сексуальной либерализации. Данная статья, используя Age-Period-Cohort анализ и данные четырех волн WVS, вносит свой вклад в тестирование этих теорий.

Ключевые слова: модернизация, ценности сексуальной либерализации, поколенческие различия, когортный анализ.

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 14-05-0051 «Семья как объект/субъект консервативной мобилизации» при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014 гг.

Зеликова Юлия Александровна — кандидат социологических наук, доцент Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики (Санкт-Петербург), доцент Северо-западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (juliazelikova@hotmail.com)

Julia Zelikova — Candidate of Science (Sociology), Associated Professor, Higher School of Economics, St. Petersburg; Associated Professor, the North-West Institute of Management of the Russian Federation Presidential Academy of National Economy and Public Administration (juliazelikova@hotmail.com)

Введение

Данная статья посвящена изучению изменений, связанных с либерализацией практик сексуального поведения в современном российском обществе. Многие исследователи отмечают, что в конце 1970-х гг. в России произошли существенные перемены в частной жизни людей, связанные с повышением сексуальной активности, дистанцированием сексуального и репродуктивного поведения, более толерантным отношением к добрачной и внебрачной сексуальности (Голод 1998: 57; Rotkirch 2000: 24; Темкина 2003; Здравомыслова, Темкина 2003). Однако эти изменения касались в первую очередь образованного городского населения, и в целом в общественном дискурсе сохранялся «двойной гендерный стандарт» (Роткирх 2002; Темкина, Роткирх 2002).

И. Кон подчеркивал, что тенденции сексуальной либерализации характерны для всех индустриальных стран, т. к. являются следствием секуляризации и индивидуализации общества (Кон 1997). Поэтому процесс модернизации в России должен сопровождаться ростом интереса к эротике, терпимостью к неординарным формам сексуальности, сокращением числа запретных тем в сексуальной сфере и, как следствие, увеличением разрыва в сексуальных установках между поколениями (Кон 2005). В данном исследовании мы рассматриваем поколенческие различия в таких ценностях сексуальной либерализации, как отношение к абортам, отношение к разводам и отношение к гомосексуальному поведению. Вообще говоря, восприятие в обществе ценностей сексуальной либерализации, так же как и ценностей, связанных с гендерным равенством, часто рассматривается исследователями как важный показатель демократизации общества (Inglehart, Norris 2003а; 2003в, Inglehart, Welzel 2005; Paxton, Hughes 2007). Однако возникает вопрос, как люди, выросшие в условиях авторитаризма, в условиях не просто негативного отношения со стороны государства к таким явлениям, как разводы, аборты и гомосексуальность, но и прямого запрета и даже уголовного преследования за них, учатся быть лояльными и толерантными к ним.

Российское государство всегда старалось контролировать сексуальное и репродуктивное поведение граждан, то позволяя сексуальные эксперименты в 1920-е гг., то устанавливая жесткие запреты на проявление сексуальности в 1930-х, то разрешая частичную либерализацию сексуальной жизни в 1960-х (Rotkirch 2000; Роткирх 2002; Кон 1997; Чуйкина 2002: 112; Темкина 2003).

В 1933 г. в СССР было введено уголовное преследование за гомосексуализм, которое было отменено только в 1993 г. Примерно в то же время, в 1936 г., в Советском Союзе были запрещены аборты. Это привело, с одной стороны, к беспрецедентному всплеску рождаемости в 1937–1938 гг., а с другой — к огромному количеству нелегальных абортов, за которые в то время полагалось уголовное наказание (Исупов 2000: 132). В 1954 г. в СССР было отменено уголовное наказание за подпольные аборты, в 1955 г. был легализован аборт по социальным и медицинским показаниям, и только в 1969 г. был принят Кодекс о браке и семье в РСФСР, который узаконил аборт по личному выбору женщины (Рабжаева 2002).

Что касается разводов, то в 1926 г. в СССР был принят один из самых либеральных законов о разводе, который отменял расторжение брака в суде. К 1930 г. Россия стала занимать первое место в мире по числу разводов. Развод в то время

рассматривался как обычное повседневное явление. В 1944 г., в связи со сложной демографической ситуацией, процедура развода была значительно усложнена, был введен штраф за развод и запрет на установление внебрачного отцовства. Развод стал рассматриваться как аморальное явление. В конце 1960-х гг. процедура развода была опять упрощена, развод осуществлялся через ЗАГС и только в спорных случаях — через суд, но развод по-прежнему оставался осуждаемым явлением, который мешал партийной и государственной карьере человека. Так продолжалось до конца 1980-х гг.

Теоретические подходы

В социальных науках есть два вида теорий, которые пытаются ответить на вопрос о том, как люди усваивают ценности, которые не свойственны тому обществу, в котором они родились, воспитывались и жили. Это культурные теории (*culture theories*) и институциональные теории (*Institution theories*) (Mishler, Rose 2007). Культурные теории подчеркивают важность ранней социализации в формировании ценностей. Если следовать логике этих теорий, то необходимо признать, что люди с рождения усваивают доминирующие в обществе ценности, отношения и нормы поведения (Almond, Verba 1963; Eckstein 1988). Молодые люди часто косвенно и неосознанно учатся определенным ценностям, которые укореняются в сознании и меняются очень медленно, в течение длительного периода, как правило, от одного поколения к другому (Hahn 1991; Kelly 2005; White 1979). Когда эти изменения происходят, то начинается процесс, который Мангейм описывал как «разрыв между поколениями» (*inter-generational discontinuity*) (Mannheim 1952).

Как известно, социализация (особенно сексуальная социализация) проходит не одинаково в разных социальных группах. Существуют большие различия в процессе социализации, связанные с гендером, этничностью, социальным положением семьи и другими социальными факторами (Dalton 1977; 1994; Finifter, Mickiewicz 1992). Однако именно поколенческие различия часто рассматриваются в культурных теориях как особенно важные. Значимость поколенческих различий определяется, во-первых, тем, что разные поколения взрослеют, социализируются и приобретают ценности в разные исторические периоды, во-вторых, экономическое развитие обычно приводит к тому, что поколения социализируются в разных экономических и социальных условиях (Abramson, Inglehart 1992; Jennings, Niemi 1974).

Институциональные теории, наоборот, утверждают, что ценности взрослого человека формируются на основе критической оценки существующих в обществе ценностей (March 1988; North 1990). Институциональная теория не отказывается от важности первичной социализации, но утверждает, что attitudes и поведение людей достаточно просто меняются и адаптируются в течение жизни. Согласно институциональной теории, опыт взрослой жизни играет более важную роль в формировании ценностей и attitudes, чем первичная социализация. Более того, поколенческие различия в первоначальных ценностях могут быть нивелированы, если люди разных поколений получают один и тот же опыт в современный момент (Demartini 1985).

По мнению исследователей Р. Роуза, У. Мишлера и К Хапфера, культурная и институциональная теории не противоположны друг другу, просто они рассматривают разные аспекты модели, которую можно назвать моделью жизненного цикла (*lifetime leaning model*) (Mishler, Rose 2001; Rose, Mishler, Haerpfer 1998). Согласно этой модели, опыт и знания, полученные в первой половине жизни, пересматриваются, переоцениваются и изменяются в течение последующей жизни. В стабильных обществах опыт, полученный в ходе первичной социализации, и опыт, приобретенный в последующей жизни, могут не отличаться друг от друга, потому что в обществе существуют устойчивые ценности, которые разделяются несколькими поколениями. В трансформирующемся обществе разрыв между первичной социализацией и опытом последующей жизни, как правило, очень существенен. С точки зрения модели жизненного цикла, дебаты между культурной и институциональной теорией сводятся к эмпирическому вопросу о важности первичной социализации и о важности опыта последующей жизни в формировании ценностей.

После распада Советского Союза сторонники культурной теории предполагали, что потребуются десятилетия на то, чтобы принять новые политические и социальные нормы. Приверженцы же институциональной теории считали, что граждане России быстро примут социальные нормы новых институтов (Mishler, Rose 2001). Данное исследование ставит своей целью проверить правильность той или иной теории на примере приобретения и изменения ценностей, связанных с сексуальной либерализацией. Мы пытаемся понять, что сильнее влияет на формирование данных ценностей: принадлежность к поколению, опыт взросления или определенные исторические события. Под ценностями сексуальной либерализации мы понимаем отношение к разводу, аборту и гомосексуальности.

Роль поколения, возраста и исторического периода в формировании ценностей

Культурные теории подчеркивают особую значимость поколения как единицы социализации. На это есть две причины. Первая причина историческая. У каждого поколения, несмотря на общий культурный контекст, в широком смысле этого слова, есть свои культурные аспекты, связанные с историческим периодом. В результате поколения социализируются по-разному, несмотря на то, что происходит это в одной и той же стране. Вторая причина связана с социальными и историческими изменениями. Модернизация общества означает, что каждое последующее поколение воспитывается буквально в другом мире. Поколения имеют разные стандарты жизни, разные источники информации, разные возможности.

Важно отметить, что особенности исторической эпохи и макроэкономические изменения оказывают очень разное влияние на поколенческие различия в ценностях. В стабильных обществах процесс модернизации — это непрерывный процесс. Он может идти быстрее или медленнее, но направленность этого процесса не меняется. В связи с этим поколенческие различия, обусловленные макроэкономическими изменениями, также должны быть непрерывны и моно-

тонны. Поколенческие различия, обусловленные уникальной исторической эпохой, носят совсем другой характер: они дискретны и разнонаправленны (Mishler, Rose 2007). Однако несмотря на причины и природу поколенческих различий, культурные теории считают, что первоначальные различия между поколениями сохраняются и не меняются в течение жизни поколения. Согласно культурным теориям, различия между поколениями будут всегда, т. к. для формирования взрослых ценностей и норм поведения опыт ранней социализации важнее, чем опыт взрослой жизни (Searing, Wright, Rabinowitz 1976). Более того — именно опыт ранней жизни формирует и оправдывает опыт последующей жизни.

Институциональные теории исходят из того, что исторические события одинаково влияют на все поколения. Например, Вторая мировая война повлияла на опыт всех поколений, а не только на то поколение, которое формировалось во время войны или сразу после нее. Сексуальная революция 1968 г. в западном мире изменила нормы и ценности не только послевоенного поколения, но и всех поколений, которые жили в то время — так же, как перестройка и демократические реформы в России повлияли на все поколения, а не только на поколение, которое родилось после 1980 г.

Конечно, нельзя утверждать, что исторические события или полученный жизненный опыт имеют на всех одинаковое влияние. Однако, с институциональной точки зрения, индивидуальные характеристики, особенно экономические обстоятельства жизни, гораздо сильнее влияют на то, как человек приспосабливается к историческим условиям, чем принадлежность к поколению. Более того, институциональные теории подразумевают, что приобретаемый опыт постоянно меняется в течение жизни, поэтому ценности, нормы и attitudes также должны изменяться со временем.

Таким образом, с точки зрения культурной теории, ценности сексуальной либерализации в России должны иметь значительные поколенческие различия, которые практически не меняются в течение жизни. Эти различия могут иметь либо монотонный и постоянный характер, либо дискретный и случайный характер, если они вызваны каким-либо историческим событием, но они есть всегда.

Институциональные теории, наоборот, предсказывают небольшие различия между поколениями в ценностях сексуальной либерализации. С точки зрения институциональной теории, более существенных различий следует ждать между людьми в одном поколении или в течение одной жизни. Модель жизненного цикла позволяет увидеть и важные поколенческие различия в attitudes, связанных с сексуальной либерализацией, и различия в этих attitudes, которые возникают с течением времени.

Измерение и описание российских поколений

Для того, чтобы отличить эффект возраста от эффекта принадлежности поколению, надо иметь повторяющиеся данные за длительный период. В данном исследовании использовались данные опросов по России, представленные в четырех волнах исследования World Value Survey (WVS). Опросы проводились с 1990 по 2010 гг., а именно в 1990, 1995, 2005 и в 2010 гг.

Для изучения поколенческих различий в отношении к ценностям сексуальной либерализации в России мы выделили три больших поколения. Первое поколение, самое старшее, это поколение людей, которые родились до 1945 г. Старшие члены этого поколения прошли через войну и сталинские репрессии. Молодые члены этого поколения выросли в послевоенное время, когда экономические последствия войны были еще очень заметны. Это поколение социализировалось в условиях уголовного преследования за гомосексуализм, запрета на аборт и ужесточения процедуры разводов.

Второе поколение — поколение людей, которые родились с 1945 по 1965 г. Это самый стабильный период в истории СССР (Shlapentokh 2001). Поколение 1945–1965 гг. сменило модель рождаемости. Если в 1950 г. в России была одна из самых высоких рождаемостей в Европе (примерно 3 ребенка на 1 женщину), то в 1970 г. рождаемость в России стала одной из самых низких в Европе (примерно 1,6 ребенка на 1 женщину). В этом поколении был очень высокий уровень аборт (примерно 3 аборта на 1 роды), т. к. аборт были легализованы, но культура контрацепции практически отсутствовала, как и сами контрацептивы (Сакевич 2003). Несмотря на то, что разводы в то время осуждались в общественном сознании, уровень разводов в этот период был достаточно высок. В результате многие исследователи описывают поколение 1945–1965 гг. как наиболее циничное поколение в современной России (Ledeneva 1998). В этом поколении был высокий уровень добрачных связей и внебрачных связей, аборт и незаконнорожденных детей.

И, наконец, третье поколение, поколение людей, рожденных после 1965 г. Старшие члены этого поколения пришли во взрослую жизнь во время перестройки, когда происходила либерализация всех сфер частной жизни. Начала формироваться контрацептивная культура, появились медикаментозные аборт, в результате уровень аборт в России резко снизился (в настоящее время он составляет менее 1 аборта на 1 роды). В 1993 г. был отменен закон об уголовной ответственности за гомосексуализм. Развод перестал осуждаться и мешать карьере человека.

Отношение к ценностям сексуальной либерализации в России: поколенческие различия

Для оценки уровня сексуальной либерализации мы рассматриваем 3 переменные, которые являются ответами на вопросы о том, насколько, по мнению респондентов, можно оправдать развод, аборт и гомосексуализм. Все переменные измеряются по 10-ти бальной шкале от 1 до 10, где 1 означает, что данное явление нельзя оправдать никогда, а 10 — можно оправдать всегда.

На рисунке 1а представлены поколенческие различия в отношении к гомосексуализму. Эти данные позволяют сделать вывод, что в целом во всех поколениях в течение всех 20 лет наблюдений отношение к гомосексуализму в России весьма негативное. Даже представители молодого поколения, как правило, почти никогда не готовы оправдывать гомосексуализм и признавать право людей на другую сексуальность (среднее значение этой переменной не превышает 3 баллов из 10 возможных).

Несмотря на негативное отношение к гомосексуализму в целом, молодое поколение россиян на протяжении всего периода исследований показывает постоянную положительную динамику в своем отношении к нему. В период с 2005 по 2010 г. эта динамика несколько замедлилась, но, тем не менее, в том, что касается отношения к гомосексуальному поведению, мы все еще видим тенденцию к либерализации у молодого поколения.

Старшее поколение практически полностью отказывается признавать право на существование гомосексуалистов в России (среднее значение этой переменной в старшем поколении никогда не превышало 1,5 баллов из 10), и это отношение практически не менялось в течение 20 лет. В период с 2000 по 2005 гг. мы видим небольшое увеличение лояльности к гомосексуализму, но к 2010 г. отношение старшего поколения к однополюй сексуальности снизилось примерно до того же уровня, на котором оно находилось в 1990 г., когда в России еще существовала уголовная ответственность за гомосексуальные связи.

Интересные результаты по отношению к гомосексуализму показывает среднее поколение. В 1990 г. представители этого поколения (в то время — люди в возрасте от 25 до 45 лет) занимали ровно промежуточное положение между старшим и молодым поколением. В течение последующих 5 лет их отношение к гомосексуализму улучшалась, как, впрочем, и у всех остальных поколений в тот период. Однако с 1995 по 2005 гг. среднее поколение начало демонстрировать противоположную, по сравнению с двумя другими поколениями, тенденцию: в то время как старшее и молодое поколения хоть и медленно, но улучшали свое отношение к гомосексуализму, отношение среднего поколения становилось более негативным. После 2005 г. отношение среднего поколения к гомосексуализму стало постоянно улучшаться, и к 2010 г. оно становится ближе к молодому поколению, чем к старшему поколению.

Данные, представленные на рисунках 1б и 1в, показывают, что различий в отношении к абортam и разводам среди молодого и среднего поколения практически нет. Однако существуют значимые различия между старшим поколением и двумя другими поколениями — как по отношению к разводам, так и по отношению к абортam.

С 1990 по 1995 гг. число людей, которые готовы были оправдать аборт, а, следовательно, признать право женщины самостоятельно решать вопрос о рождении ребенка, росло во всех поколениях. В 1995 г. отношение к абортy в России было самым либеральным за весь двадцатилетний период исследований. В среднем и молодом поколениях к этому времени уже абсолютное большинство людей признавало право женщины выбирать, рожать или не рожать ребенка. После 1995 г. это отношение начинает меняться, причем одинаково во всех поколениях. Эти данные дают основания предполагать, что рост оправданий абортov в 1990-е гг. был связан скорее с тяжелыми экономическими условиями жизни, чем с ростом либеральных ценностей.

В середине 1990-х гг. в обществе начинается алармистская дискуссия о том, что в России в связи с падением рождаемости и ростом смертности наблюдается резкое сокращение населения (Андреев 2001). В результате к 2005 г. отноше-

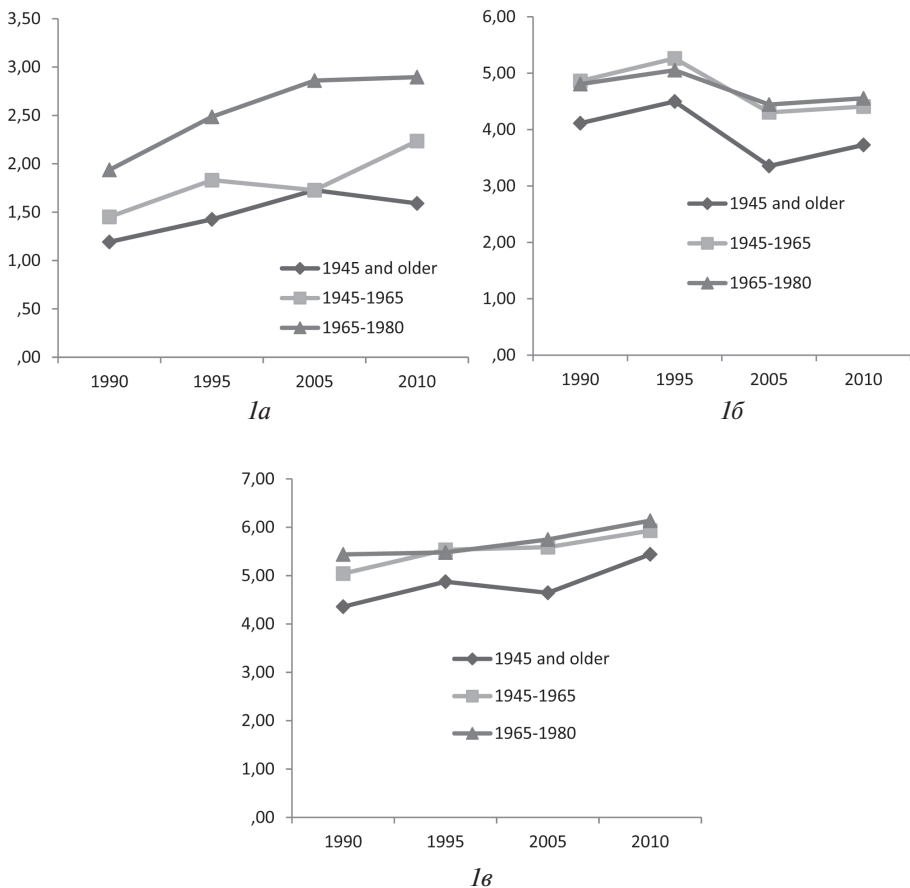

Рис. 1(а-в). Отношение к гомосексуализму (1а). Отношение к абортam (1б).
Отношение к разводам (1в)

ние к абoрту во всех поколениях стало более негативным, и, в целом, это отношение сохраняется до 2010 г.

Отношение к разводам в России, как показывают результаты исследования, в целом достаточно позитивное, и на протяжении 20 лет исследований это отношение показывает монотонный и постоянный рост, который особенно выражен в старшем поколении. В результате, к 2010 г. поколенческие различия по отношению к разводам практически исчезли, и большинство людей во всех поколениях, как правило, готовы оправдать развод вне зависимости от контекста, в котором он происходит.

Таким образом, анализ общих тенденций в изменениях ценностей сексуальной либерализации позволяет сделать вывод о том, что общие поколенческие изменения скорее объясняются институциональной теорией, а начальные различия в ценностях между поколениями — культурной теорией.

Age-Period-Cohort анализ ценностей сексуальной либерализации

Анализ поколенческих различий и трендов показывает общий размер, однородность и устойчивость поколенческого влияния на сексуальную либерализацию в России. Он также демонстрирует, что внутри поколений больше сходств, чем различий, а различия существуют скорее между поколениями. Однако представленные модели не позволяют понять, что детерминирует эти поколенческие различия: макроэкономические факторы, социализация в определенных исторических условиях, или и то, и другое.

Для того чтобы ответить на эти вопросы, мы использовали Age-Period-Cohort анализ и создали модель, которая предсказывает ценности сексуальной либерализации, основываясь на принадлежности к поколению, возрасте респондента и историческом периоде. Так как возраст и поколение сильно коррелируют друг с другом, их нельзя использовать в одной регрессионной модели. Чтобы преодолеть это ограничение, мы отделили независимый эффект взросления, создав переменную, которая измеряет возрастную позицию индивида внутри поколения. Так, для 18-ти летнего человека, который принадлежит поколению 18–35, значение этой переменной равно 1, для 35-ти летнего человека из того же поколения значение этой переменной равно 18. Эту методику предложили Роуз и Мишлер (Rose, Mishler 2007). Таким образом, мы решаем проблему коллинеарности, а также получаем возможность максимизировать потенциальное влияние поколения и минимизировать потенциальное влияние возраста. Этот прием позволит нам проверить гипотезу о влиянии социализации на формирование ценностей.

Для того чтобы учесть влияние исторического периода, мы создали 4 различные переменные для каждой волны опроса. Сравнение регрессионных коэффициентов для этих переменных позволит нам оценить влияние исторического периода на результаты опроса. Кроме того, использование временных переменных на агрегированном уровне поможет оценить интерактивные эффекты влияния принадлежности к поколению в разные исторические периоды. Во всех моделях в качестве референтных переменных выступают принадлежность к молодому поколению, и 1990 г., первый год, когда проводился опрос в России по методике WVS. Таким образом, мы оцениваем, как меняются представления старшего и среднего поколений по отношению к младшему поколению и как меняются либеральные ценности по отношению к их уровню в 1990 г.

В качестве контрольных переменных в нашей модели используются такие переменные, как пол (фиктивная переменная, 1 означает, что респондент женщина), образование (5-ти балльная переменная, где 1 означает начальное образование, а 5 — высшее образование), городское или сельское население (фиктивная переменная, 1 означает, что респондент городской житель), доход (10-ти балльная переменная, которая показывает субъективное представление респондента о своем доходе, 1 — самый низкий доход, 10 — самый высокий).

В табл. 1 показаны результаты многоуровневого регрессионного анализа. Многоуровневый анализ позволяет увидеть влияние на ценности сексуальной либерализации как индивидуальных переменных (возраст, принадлежность к поколению, доход, пол, образование и местожительство), так и агрегирован-

ной переменной (исторический период, в который проходил опрос). В первой модели в качестве зависимой переменной используется отношение к гомосексуальному поведению. Это десятибалльная переменная, где 1 означает, что респондент не может оправдать гомосексуальное поведение ни при каких обстоятельствах, а 10 означает, что респондент готов всегда оправдать такой вид сексуальности. Аналогичным образом вторая и третья модели в табл. 1 показывают результаты регрессионного анализа, где зависимой переменной является отношение к аборту (модель 2) и отношение к разводу (модель 3). Зависимые переменные во второй и третьей модели закодированы так же, как в первой модели. Для наглядности в таблице указаны только значимые регрессионные коэффициенты (уровень значимости не менее 95 %). Значимость регрессионного коэффициента говорит о связи между зависимой переменной в модели и той или иной независимой переменной.

Модели, представленные в табл. 1, являются довольно слабыми, т. к. они объясняют от 5 % до 8 % дисперсии. Тем не менее, они позволяют оценить конкурирующие теории. В соответствии с культурными теориями, модели подтверждают значимость поколенческих различий в отношении к либеральным ценностям, но дают основания предположить, в противоположность большинству ожиданий, что поколенческие эффекты непрерывны и монотонны, т. е. объясняются скорее социализацией в разные исторические эпохи, чем влиянием макроэкономических факторов. Статистически это проявляется в постоянном увеличении регрессионных коэффициентов для последующих поколений.

Кроме поколенческих различий, модели демонстрируют влияние возраста и исторического периода на сексуальную либерализацию, в соответствии с институциональной теорией. В каждой когорте старшие члены менее привержены ценностям сексуальной либерализации, чем более молодые члены поколения. И на все ценности, кроме отношения к разводу, оказывает влияние исторический период. Различия в отношении к разводу можно объяснить только первоначальными различиями, связанными с социализацией в определенную историческую эпоху, и возрастными изменениями: в каждом поколении люди с возрастом становятся менее лояльными к разводам. Рассмотрим подробнее каждую модель.

Результаты, представленные в первой модели, показывают, что отношение к гомосексуальности улучшается от поколения к поколению, при этом значимые различия между поколениями постоянно сохраняются. В каждом поколении старшие члены поколения менее лояльно относятся к гомосексуальности, чем молодые. Однако интерактивные эффекты влияния исторического периода и принадлежности к поколению существуют только для самого старшего поколения и для временного периода 2010 г. Интерактивного эффекта влияния возраста и временного периода не существует. Это говорит о том, что отношение к гомосексуальности с течением времени во всех поколениях улучшается по отношению к 1990 г. Причем до 2010 г. это улучшение проходило примерно с одинаковой скоростью во всех поколениях. И только в 2010 г. улучшение отношения к гомосексуальности у старшего поколения замедлилось.

Результаты исследования показывают, что женщины более толерантны к гомосексуальности, чем мужчины. Это же можно сказать и о более образован-

Многоуровневые регрессионные модели влияния поколения, возраста и исторического периода на ценности сексуальной либерализации

	Модель 1. Отношение к гомосексуальности	Модель 2. Отношение к аборту	Модель 3. Отношение к разводам
Constant	,165	,438	,554
Старшее поколение	-,123	-,079	-,137
Среднее поколение	-,084	ns	-,078
Возрастное положение в поколении	-,002	ns	-,003
Респондент — женщина	0.024	0.047	0.02
Образование	0.035	ns	ns
Доход	0.071	0.064	0.048
Респондент — городской житель	0.058	ns	0.027
1995 год	,038	,039	ns
2005 год	,078	-,065	ns
2010 год	,085	-,045	ns
Старшее поколение × 1995	ns	ns	ns
Старшее поколение × 2005	ns	ns	ns
Старшее поколение × 2010	-,041	ns	ns
Среднее поколение × 1995	ns		
Среднее поколение × 2005	ns		
Среднее поколение × 2010	ns		
Женщины × 1995	ns	0.084	0.054
Женщины × 2005	0.025	ns	ns
Женщины × 2010	0.034	ns	ns
N	7599	7599	7599
R2	5%	5%	8%

ns — значение регрессионного коэффициента незначимо.

ных людях, более обеспеченных, и о людях, проживающих в городах. Причем если в 1995 г. женщины и мужчины одинаково изменили свое отношение к гомосексуальности в лучшую сторону, то в 2005 и 2010 г. женщины быстрее мужчин увеличивали свою лояльность.

Отношение к абортам значимо отличается только у молодого и старшего поколения. У среднего и младшего поколения таких различий нет. Кроме того,

разные по возрасту люди внутри одного поколения также не различаются по своему отношению к абортam. Отношение к абортam меняется в зависимости от исторического периода. Если брать за точку отчета 1990 г., то мы видим, что в 1995 г. отношение к абoрту улучшилось, а в 2005 и 2010 — ухудшилось. Люди стали гораздо реже оправдывать абoрт, и это происходит одинаково всех поколений и для всех возрастов (интерактивные эффекты периода, возраста и принадлежности к поколению отсутствуют).

Женщины более лояльно, чем мужчины, относятся к абортam. В 1995 г. их лояльность росла быстрее, чем лояльность мужчин, но после 1995 г. мужчины и женщины показывают одинаковые темпы и направление в изменении отношения к абортam. Различий между более и менее образованными людьми, а также людьми, проживающими в городе или в сельской местности, исследование не выявило. Однако обеспеченные люди все-таки более лояльны к абортam, чем менее обеспеченные.

Отношение к разводу улучшается от поколения к поколению, хотя различия между старшими и молодыми членами в каждом поколении сохраняются. Переменная, идентифицирующая исторический период, не является значимой в этой модели, это значит, что различия между поколениями объясняются только разными условиями социализации для разных поколений, а динамика отношения к разводам является следствием того, что люди с возрастом становятся менее лояльными к разводам. Женщины относятся к разводам терпимее, чем мужчины, и их лояльность в 1995 г. росла сильнее, чем у мужчин, но после 1995 г. интерактивный эффект периода и пола исчез.

Заключение

Результаты исследования показывают, что в целом ценности сексуальной либерализации в современной России имеют низкий уровень восприятия, и изменения в отношении к этим ценностям происходят крайне медленно. В обществе очень консервативное отношение к гомосексуальности, которое практически не изменилось с 1990 по 2010 гг. Отношение к абортam улучшалось с 1990 по 1995 гг., но после 1995 г. оно становится все менее и менее лояльным. И только к праву на развод российское общество относится достаточно лояльно и либерально.

Ценности сексуальной либерализации в современной России имеют поколенческие различия, которые объясняются скорее социализацией поколений в разную историческую эпоху, чем влиянием макроэкономических факторов. Однако эти различия все больше нивелируются. Например, к 2010 г. различия в отношении к абoрту между молодым и средним поколениями исчезли, а в отношении к разводу — стали минимальны. Это говорит о том, что в течение жизни люди пересматривают свое отношение к либеральным сексуальным ценностям, при этом скорее младшее поколение становится более консервативным, чем среднее поколение более либеральным.

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что общие тенденции в изменениях ценностей сексуальной либерализации в современном российском обществе объясняются скорее институциональной теорией. Культурная теория объясняет только начальные различия между поколениями. Таким образом, без

развития в России институтов, поддерживающих либерализацию частной жизни, не следует ожидать роста ценностей, связанных с сексуальной либерализацией. Консервативная мобилизация, которая является сегодня в России основным идеологическим дискурсом, препятствует усвоению эмансипирующих ценностей и замедляет процесс модернизации российского общества.

Литература

Андреев Е. Шесть пост-советских стран: смертность до и после распада СССР // Демоскоп Weekly, 2001, 43–44. [<http://www.demoscope.ru/weekly/043/tema01.php>]. Дата доступа 10.08.2015.

Голод С.И. Семья и брак. Историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998.

Здравомыслова Е., Темкина А. Советский этатократический гендерный порядок // Социальная история. Ежегодник. Женская и гендерная история / Ред. Н. Пушкарева. М.: РОСПЭН, 2003. С. 436–463.

Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.

Кон И. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М.: О.Г.И., 1997.

Кон И. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. 2 изд., перераб. и доп. М.: Айрис-пресс, 2005.

Рабжаева М. Социальные технологии осуществления политики гендерного равенства // Материалы межвузовской научной конференции «Гендерные отношения в современном российском обществе». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 35–44.

Роткирх А. Советские культуры сексуальности (пер. с английского Е. Здравомысловой) // В поисках сексуальности / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 128–172.

Сакевич В. Аборт или контрацепция: что выбирают российские женщины? // Демоскоп Weekly, 2003, 123–124, 123–124. [<http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0123/tema01.php>]. Дата доступа 10.08.2015.

Темкина А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социс, 2002, 11, с. 4–15.

Темкина А. Половая жизнь в позднесоветском браке // С. Ушакин (ред.) Семейные узы: модели для сборки. М.: НЛО, 2003. С. 515–547.

Чуйкина С. «Быт неотделим от политики»: Официальные и неофициальные нормы половой морали в советском обществе 1930–1980-х годов // В поисках сексуальности: сб. статей / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.

Abramson P.R., Inglehart R. Generational Replacement and Value Change in Eight West European Societies, *British Journal of Political Science*, 1992, 22(2), pp. 183–228.

Almond G.A., Verba S. *The Civic Culture*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1963.

Dalton R. Was There a Revolution? A Note on Generational vs. Life Cycle Explanations of Value Differences, *Comparative Political Studies*, 1977, 9(1), pp. 458–473.

Dalton R. Communists and Democrats: Democratic Attitudes in the Two Germanies, *British Journal of Political Science*, 1994, 24(4), pp. 469–493.

Demartini J. Change Agents and Generational Relationships: A Re-evolution of Mannheim's Problem of Generations, *Social Forces*, 1985, 61(1), pp. 1–16.

Зеликова Ю.А. *Динамика сексуальной либерализации в современной России...*

Eckstein H. A Cultural Theory of Political Exchange, *American Political Science Review*, 1988, 82(3), pp. 789–804.

Finifter A.W., Mickiewicz E. Redefining the Political System of the USSR: Mass Support for Political Change, *American Political Science Review*, 1992, 86(4), pp. 857–874.

Hahn J. Continuity and Change in Russian Political Culture, *British Journal of Political Science*, 1991, 21(4), pp. 393–421.

Jennings M.K., Niemi G.R. *The Political Character of Adolescence*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1974.

Inglehart R., Norris P. The True Clash of Civilizations, *Foreign Policy*, 2003a, March/April, pp. 62–70.

Inglehart R., Norris P. *Rising Tide*. New York: Cambridge University Press, 2003b.

Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change and Democracy*. NY: Cambridge University Press, 2005.

Kelly C. *Comrade Pavlik: The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero*. London: Granta, 2005.

Ledeneva A.V. *Russia's Economy of Favours*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Mannheim K. [1927] The Problem of Generations, in: *Essays on the Sociology of Knowledge*, ed. K. Mannheim. London: Routledge and Kegan Paul, 1952. pp. 276–320.

March J. G. *Decisions and Organizations*. Oxford: Blackwell. 1988.

Mishler W., Pollack D. On Culture Thick and Thin: Toward a Neo-Cultural Synthesis, *Political Culture in Post-Communist Europe*, ed. D. Pollack and J. Jacobs. London: Ashgate, 2003, pp. 239–256.

Mishler W., Rose R. What Are the Origins of Political Trust? Testing Institutional and Cultural Theories in Post-Communist Societies, *Comparative Political Studies*, 2001, 34(1), pp. 30–62.

Mishler W., Rose R. Generation, Age, and Time: The Dynamics of Political Learning during Russia's Transformation, *American Journal of Political Science*, 2007, 51(4), October, pp. 822–834.

Mishler W., Rose R. What Are the Origins of Political Trust? Testing Institutional and Cultural Theories in Post-Communist Societies, *Comparative Political Studies*, 2001, 34(1), pp. 30–62.

Mishler W., Rose R. Generation, Age, and Time: The Dynamics of Political Learning during Russia's Transformation, *American Journal of Political Science*, 2007, 51(4), October, pp. 822–834.

North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Paxton P., Hughes M. *Women, Politics and Power*. Los Angeles: Pine Forge Press, 2007.

Rose R., Mishler W., Haerpfer C. *Democracy and Its Alternatives: Understanding Post-Communist Societies*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 1998.

Rotkirch A. *The Man Question: Loves and Lives in Late Twentieth Century Russia*. Helsinki: University of Helsinki, 2000.

Searing D.D., Wright G., Rabinowitz G. The Primacy Principle: Attitude Change and Political Socialization, *British Journal of Political Science*, 1976, 6(1), pp. 83–113.

Shlapentokh V. *A Normal Totalitarian Society: How the Soviet Union Functioned and How It Collapsed*. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 2001.

White S. *Political Culture and Soviet Politics*. London: Macmillan, 1979.